

Мы - темное прошлое мира, мы – будущее мира.

Мы открываем новый фронт.

Швеция – расистская страна. Так я хочу начать свою речь о феминизме сегодня. Расизм в вашей стране заставил меня долго думать о том стоит ли сюда вообще ехать. Мои коллеги, Тиина, Диана и Ловен – причина, по которой я сейчас здесь. Я хочу поблагодарить вас, и я аплодирую вашему упорству и заинтересованности; я смиряюсь и краснею перед вами. Спасибо вам всем за то, что есть место, где мы можем воображать о лучшем будущем, отличное от того, которое предложено нам настоящим. Спасибо борющемуся феминистскому движению за обеспечение моей безопасности здесь. Хвала всем временным политическим истинам в лице революции! Спасибо художникам за продолжение коммуникации, за изменения, которые они вносят в мир, делая его более интересным местом для жизни. И спасибо за то, что вы все здесь! Так приятно быть в одном месте с людьми нетрадиционной сексуальной ориентации – вы заставляете меня чувствовать себе совершенно нормальной.

Я говорю с вами сегодня от имени всех отброшенных этих миром: тех кого называют «странными», тех, кто бреет головы, тех, кто не умеет одеваться, тех, кто боится что они дурно пахнут. Тех, у кого гнилые зубы и прочие уродства; старых карг, фригидных лесбиянок, нетраханых, недотраханых невротичек, психопатов, толстых черепах и худых шлюх. Тех, у кого огромные животы, кто скорее были бы мужиками, кто ведет себя как мужики. Тех с толстыми задницами. Громких теток, которые разрушают все, что попадается им на пути. Тех, чья застенчивость объясняется их недостатками, тех, кто не знает как сказать «нет», тех, кого надо контролировать, сажая под замок. Жалких женщин с рубцами, женщин которые не заводят мужчин, тех с рыхлой кожей и морщинистыми лицами. Тех, кто мечтает о пластической хирургии, о липосекции, о ломке носа – обо всех тех переменах, которые они не в состоянии себе позволить. Женщин, которые выглядят как задняя часть автобуса, тех, кто может только полагаться на самих себя, кто не знает как утешить других, кто не думает о своих детях.

Мы часто слышим, что деконструкция основных идентичностей, происходящая из осознания случайности и неоднозначности идентичности как таковой, выявляет невозможность феминистской политической акции. Многие феминистки считают, что без существования целостной категории «женщина», мы не можем вообразить возможность феминистского политического движения, в котором женщины могли бы объединяться как женщины для того чтобы формулировать и преследовать определенные феминистические цели. Напротив, я считаю, что деконструкция основных идентичностей – необходимый отправной момент для тех феминисток, которые преданны радикальной демократической политике, так как она [деконструкция] подчеркивает многообразие социальных отношений, к которым принципы свободы и равенства должны применяться. Так давайте требовать расположения нашей политической идентичности между тем, что мы унаследовали и тем, что еще не родилось, между тем, что мы можем только вообразить и теми

историями, которые вынуждают и формируют подобное воображение! Эта и есть понимание политической идентичности, не совпадающей с идентичностью, сформированной в системе социальных координат.

Смотрите, эссенциализм сравним с динамитом или мощным наркотиком. Говоря юридическим языком, он может быть эффективным в разрушении нежеланных структур или устранении страдания; но если использовать этот метод некритически – он может обернуться деструктивной зависимостью. Вот почему нам нужно использовать эссенциализм с осторожностью, мы должны использовать его только время от времени и – что наиболее важно – стратегически. Стратегический эссенциализм - как ролевая игра, на короткое время заполняющая криминальное сознание для того, чтобы понять что его заводит. Стратегический эссенциализм должен действовать как хороший юрист: во время защиты он «протыкает» нарратив обвинения до момента, пока трещины не появятся на поверхности, и во время обвинения – собирает дело воедино с помощью постижение криминальных мотивов.

Мы должны быть начеку, принимать решения быстро, без страха или чувства вины, когда нам нужно «эссенциализировать» себя, и мы должны уметь говорить «да» групповой идентичности в достижении определенной политической цели в определенной ситуации в определенном месте и в определенное время.

Мы также должны понять когда говорить «нет». Когда мы свободно «даем имена» тому, что мы делаем, мы должны отличать момент, когда это ведет к повышению статуса нашего дела, от момента, когда он этот статус понижает. И когда мы называем вещи своими именами, мы не должны довольствоваться всего лишь несколькими:

Лесбиянки, люмпенпролетариат, южные камерунцы, геи, грязные девки, папуасы, бисексуалы, ассирийцы, трансвестисты, кельты, «классовые» путешественники, бакасси, трансвестистки, квиры, фаги, айну, дайки, непривелигированные, мафф-дайверс, инуиты, беженцы, шебби-шик, бульдоги, «праздний класс», квин, мужчины, аймарасы, драма квин, китайцы, флэйминг квинс, трэнни, афро-арабы, фэри, джимбой, Лакота Со, боксеры, румыны, боксерки, средний класс, питчеры, катчеры, сэми, бутч, мертвые, кабайлианы, космополиты, босы, Эфтоэмэс, Эмтоэфсы, между средним и рабочим классом, между рабочим классом и вне-классом, истиндийцы, старые девы, курды, мисс «Котенок», диар джонсы, сабалтерн, высший средний класс, крэолы, инверты, перверты, пасифик исландеры, санс папьеры, гёрлфрэнд, рохинджи, драг кинги, пром квин, женщины, шероки, хэппи, нувориши, аalien сексуалы, хипстеры, тамил, мелкая буржуазия, фрики, каукейжиан, низший рабочий класс, криминалы, Фароэ исландеры, суицидные, арти-грэш, арабы Сахрави, низший средний класс, тутси, гендер-бендеры, рабы, рабочий класс, лузеры, хуту, высший средний высший класс, Димаса, месхиты, уайт-траш, тибетцы, аристократия, грязные богачи, сикхи, виггеры, кландестино, «другой» гендер, палестинцы, бездокументные, афро-латиносы, нуво повере,

глобал уоркер, уйгхуры, сезонные рабочие, привилегированные, вне-классовый и низший класс.

Ну кто бы не пошел в бар с таким названием?

К сожалению, это – что угодно, кроме фантазии какой-то вашей развивающейся части мира. Вы знаете, у некоторых левых в США есть вера в то, что вы сможете обеспечить контр-гегемонию, но я всегда говорю «нет»! Потому что обращение к Европе в такое время как наше будет поворотом «вправо», и это неправильно. Три мира или четыре – то, что я всегда говорила - всегда лучше чем один (первый). Серьезно -- все, кого я сейчас назвала – вам, европейцам, нужны мы все! Социальному, культурному и экономическому секторам, всех частям вашего союза, нужно более гетерогенное население. Если вы не будете действовать и создавать союзников транснационально, глокально, вы пойдете на дно. Меня удивляет что вы все еще живы. Посмотрите на сидящих тут – черт, одни бледнолицые! Но эй, среди вас есть те, кто это знает и кто объединяется с нами когда мы вместе двигаемся по направлению к более разнообразному и множественному миру. И мы будем держаться все вместе; мы будем находить друг друга даже в таких местах как это.

А потому что мы жильцы в этом доме и мы отказываемся быть благородными и рациональными. Мечты, несчастья и ярость – везде одни и те же составляющие его архитектуры. И этот дом – ничего более чем скобки в том восторге, которым является наша жизнь.

Часто когда нас приглашают выступать в институциях с большой буквы И, мы чувствуем странный привкус во рту и утомленность, вызванную амбивалентностью этих приглашений. Кто-нибудь еще испытывает это чувство? В этот раз я заставила себя участвовать.

Мы – люди в этом доме, и это наш дом, тогда – что мы делаем и чего мы хотим? Давайте кричать все вместе – да так громко, чтобы наши пронзительные голоса пробили красивые окна в этом зале. Пусть эти стены превратятся в переваренные макароны, мягкие и разваливающиеся. Пусть потолок осыпется как сухая кожа, обгоревшая на солнце. Мы можем взять это место под свой контроль, организовать здесь свои митинги, заказать пиццу и сидеть всю ночь. Этот НАШ дом! Мы можем решать хотим ли мы чтобы это было началом или концом. Для нас социальная несправедливость – это коллективная проблема, которая требует коллективного решения. У нас есть феминизм и у нас есть территории, где мы не должны зависеть от капитализма. Мы – коммунисты, мы боремся с капитализмом, мы хотим революции.

Использование слов «коммунизм», «классовая борьба» и «революция» приведет вас к бесплатной консультации с психиатром. Что может быть не так уж и плохо. Действительно, одно из наших требований – это президент, который прошел терапию, кроссдрессинг и нарушил общественное спокойствие. Тот, кто любил и был отвергнут, кто любит секс, кто совершил ошибки и извлек из них уроки. Того, кого ломали и кто выжил. Мы хотим чернокожую женщину в президенты. Мы хотим три президента или никого вообще – что придет в первую очередь.

Подтверждение небинарных структур также определяет жизнь без чванства происхождением, прогрессом, и особенно без четких различий между реальным и фиктивным, идеальным и материальным, прошлым и настоящим.

Смотрите, серое было новым черным, потом черное было новым черным, потом коричневое стало новым черным, потом, насколько я помню эту последовательность, появился синий, но задолго до того как дайки стали новыми феминистками, делая жизнь более удивительной. В это время геи затмили лесбиянок, таким образом квир - это новые геи и теперь старое – это новые квир. Политика всегда подразумевает номинацию: назначение политической субъективности и начало политической организации вокруг определенного имени. Политической задачей тогда становится создание имени, вокруг которого политический субъект может образовываться из различных политических форм борьбы, в которой проходит наша жизнь. Этот акт образования политического субъекта и есть момент контр-гегемонии. Этот акт – именно то, чего я желаю. Очевидное в этой фантазии – это возможность исполнения и артикуляции политического движения среди устоявшегося набора идентичностей. Это движение – постоянный экшн, тот или иной – то, что я имею здесь в виду.

Создание границ – это политика, переход границ – это драма. Нам нужно сфокусироваться на амбивалентности скорее, чем на «правде». Скорее чем борьба за «правильную» или «истинную» политику, мы должны целенаправленно объять ее невозможность, с пониманием что мы не можем определить значение наших собственных действий. Это означает отбросить намеренность и научный метод, и отдаться политике мотивированной не правдой или моралью, а любовью, желанием, неутомимостью, юмором, надеждой, изобретательностью, импульсом.

Нам нужно искусство которое способно анализировать действия капитализма и патриархии во всех ее манифестациях – идеологических, институционных, организационных, субъективных. Нам нужно искусство, которое позволит нам думать о том, что нас разъединяет, а не объединяет. Нам нужно искусство, которое разрушит старые концепции и традиции западного искусства, систематически трактуемое миром в иерархических терминах маскулинных универсумов и фемининных особенностей.

Нам нужно искусство, которое позволит нам артикулировать альтернативные пути мышления и действия в отношении гендера без простого переворачивания старых иерархий или подтверждения их. Нам нужно искусство, которое было бы полезным и уместным в политической практике, так как ни народная власть, ни социальная справедливость невозможны без чувства того, что что-то надо менять.

Нам нужно также больше подчеркивать связи между искусством, знанием и отношением с властью.

Эстетика за пределами дисциплины.

Эстетика как факт жизни.

Нам нужно искусство, которое не надо объяснять.

Мы восстановим связи эстетики с ее основой.

Мы выйдем на улицу, захватим автобусы, упраздним тюрьмы, откроем наши квартиры, отдадим платок нашей бабушки бездомному, превратим трейлер в передвижную библиотеку, футбольное поле – в танцевальный зал для квин, и в туфлях нашего дядюшки мы выпьем за будущее.

Мы будем проводить наши социальную работу в контексте, определяемом тяжелыми фактами материальной жизни, бурлящими страстями и неопределенностями – всем тем, что характеризует нашу каждодневную жизнь.

Мы будем находить силы во всевозможных средствах: матрас станет резиденцией, спальня – кинотеатром, гостиная – местом встреч, полицейский участок – детским садом, автобус – классной комнатой, тюрьма – художественной резиденцией, площадь – танцзалом, рабочая мастерская – архивом, институт – пиццерией днем и художественной школой вечером, военная база – кофетерией, наша жизнь станет мюзиклом, а наши дома – университетом.

Потому что:

Педагогика – предложение альтернатив существующим вещам.

Педагогика – это тело. (Ведь это все происходит в теле).

Педагогика – это социальность.

Педагогика – это гримаса истории в паноптикуме.

Педагогика – это практика.

Сила – в приобретении критического сознания с целью подрыва ведущих идеологий.

Я думала и разговаривала с другими о смысле публичных заявлений о социальных отношениях, о политике. Декларации с помощью слов или языка акций, визуальных образов, одежды, поведения. Открываясь на публике, мы превращаем нашу частную жизнь в общественные институции. Коллективный фантом. Утилизация общественной сферы и означает что она ОБЩЕСТВЕННАЯ.

Позвольте пояснить одну мысль:

Искусство не обязательно должно быть отражением ведущих структур общества.

Искусство можно организовать вокруг знания повседневной жизни и материальной борьбы, которая структурирует наши жизни.

Искусство может противостоять властным структурам.

Мы – темное прошлое мира, мы – его будущее. Мы откроем новый фронт.

Кто позволяет себе возможность риска? Кто рискует собой?

Кто преодолевает страх, действует сознательно, но без мышления, видит мышление в действии?

Кто говорит громко без микрофона на конференции, снимает свою рубашку в ночном клубе? Снимает трусы на сцене?

Кто едет в другой район, или сидит на одном месте? кто просит вас посмотреть за ребенком 20 минут? кто идет смотреть фильм когда на улице минус 15? кто выжил после желудочной инфекции?

Кто боролся за право на контрацептив, гомосексуализм и анархизм в конце 19го века?

Кто готовит на многих людей без особого плана и голодает шесть дней? Кто отказывается встать с постели, тратить деньги, работать, коммуницировать, отказывается идентифицироваться с какой-либо группой или идеологией?

Кого бьют в туалетах ночных клубов, кто смотрит на живопись Джорджии О Киф, кто готов -- или изъявляет готовность – делиться нестандартным взглядом на картину? Кто читает это, кто отказывается смотреть, отказывается уходить, платить, или уходить без оплаты?

Кто здесь, сейчас и кто готов?

Мы. И мы изменим течение.

Ли Х. Джонс.

Стокгольм, Октябрь 2010.